
Марина Ветрова ✦ Ольга Шиллинг
Измена мужа.
Ты выбрал мою сестру,
а шейх ждал меня десять лет!

Марина Ветрова
Ольга Шиллинг

Измена мужа. Ты выбрал мою сестру, а шейх ждал меня десять лет!

https://litres.ru/74702227
SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет я кормила мужа, оплачивала его мечты и выплачивала кредиты. А однажды вернулась с ночной смены и застала его с собственной младшей сестрой.

Они объявили о любви и попросили «не обижаться».

Мне оставили три миллиона долга и ни одного человека, на которого можно опереться.

Я улетела в Марракеш работать кондитером и встретила хозяина роскошного дома, шейха Кассима.

Он помнит меня ещё со студенческих лет — и знает, сколько я пожертвовала ради чужого счастья.

Теперь бывший муж требует вернуть удобную жену, а шейх предлагает мне собственное успешное дело, защиту и настоящую любовь.

Кого выберу я? Того, кто наконец выбирает меня.

Содержание

Глава 1. Мы хотели сказать вместе 4
Глава 2. Билет в один конец 13
Глава 3. Он всё помнит 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Марина Ветрова, Ольга Шиллинг Измена мужа. Ты выбрал мою сестру, а шейх ждал меня десять лет!

Глава 1. Мы хотели сказать вместе

Ночная смена в пекарне кончилась в четыре утра, а домой добралась в половине шестого — троллейбус, снег, сумка с чужим хлебом на плече. Стояла на лестнице, дышала в варежку и мечтала о горячем душе; в холодильнике ждало тесто для медовых коржей — сегодня собиралась печь Стасу медовик, у него намечалась встреча с инвестором. Пусть у него всё получится. Десять лет одно и то же — пусть у него всё получится. Моими деньгами, моим трудом, моей бессонницей.

Дверь квартиры открыла тихо, чтобы не разбудить. Ключ повернулся мягко: замок у нас всегда заедал, не доходя сантиметр до конца, и приходилось дожимать дверь плечом, не гремя. На пороге застыла — почему вещи в прихожей?

В прихожей стояли два чемодана — наши, семейные, в них мы привозили картошку с дачи. Раскрытые. В одном поверх всего лежал мой зимний шарф — потом ещё долго вспоминалась эта деталь: шарф мой, а лежит в общем чемодане, меня уже упаковали. И над чемоданами висело Лерино рыжее пальто с потёртым воротником — подарок старшей сестры, два года назад, когда младшую выкинули со съёмной квартиры.

В квартире горел свет. На кухне пахло свежим кофе — моим кофе, из моей пачки, которую я берегла. И мятой. Они заварили мою мяту.

— Галя… Ты уже? Мы думали, попозже придёшь.

Стас стоял в дверях комнаты. Голос подготовленный — так он говорит с банком, когда просит отсрочку. Заранее отрепетированный, мягкий, с чуть заискивающей интонацией.

Он был в домашней футболке. За его спиной, из глубины комнаты, в моём халате — в моём, сером, с узкими рукавами, которые ей как раз были впору, — выглянула Лера.

— Лерочка, ты куда это собралась так рано? Или поздно? Халат хоть сними. Это мой, после смены в него переодеваюсь.

Держать голос спокойным получалось хорошо, всю жизнь тренировалась.

— Галя, мы с тобой хотели поговорить. Мы… мы хотели сказать вместе.

Лера вышла в коридор босиком, на цыпочках, по нашему холодному линолеуму, который каждое утро приходилось мыть.

Вместе. Она так и сказала. С нажимом, почти торжественно: вот же, вместе. Этим словом она заранее оправдала и халат, и кофе, и своё право стоять рядом с моим мужем.

Стас шагнул ко мне, хотел обнять. Отступила до самого косяка, больно упёрлась в него спиной. Муж придвинулся следом; знакомая прихожая стала чужой, хотя пальто покупалось на мои деньги, а чемоданы мы выбирали вдвоём.

— Галь, собирался тебе сказать. Каждый раз всё откладывал, подходящего момента не было. Мы с Лерой… это серьёзно. Это не интрижка. Мы любим друг друга. Слушай, мы любим друг друга, понимаешь?

Он взял меня за плечи. Брови дрогнули — точно так же, как тогда, когда врал инспектору из налоговой.

— Десять лет, Стас. Девять из них плачу за твою учёбу: трейдинг, маркетинг, коучинг, строительство. Семь лет встаю в три ночи, чтобы к шести заполнить подносы круассанами. Пять лет лечу тебя от депрессии пирогами, твержу, что ты талантливый. Два года назад подписала под твой «бизнес» первый кредит. Ты что обещал? «Галь, ещё годик, и купим квартиру. Нашу, понимаешь? Потерпи немного». Всё, потерпела. Купили?

И вот теперь он стоял в домашней футболке, держа меня за плечи, и говорил слово «понимаешь» — с него всегда на-

чинались объяснения, почему мне снова придётся потерпеть и оставить собственные планы на потом.

— Понимаю. А можно один вопрос? Только ответь сразу, без «потерпи».

— Галь…

— Кредит. Который новый, на открытие цеха. Кто по нему платит?

Стас отвёл глаза. Посмотрел в сторону ванной, на дверную ручку, лишь бы со мной не встречаться взглядом. Это тоже потом помнилось до мелочей.

— Про деньги вы говорить не готовились, да? А платить кто?

— Галя, ну не так, не с порога. Дай ему договорить, пожалуйста.

Лера подтянула мой халат на груди и встала со Стасом плечом к плечу; ему пришлось отпустить меня. И знаете что? Они хорошо смотрелись вместе. Два одинаково тёплых, одинаково удобных человека, у которых вечно всё будет получаться за чужой счёт.

— Не с порога же. Мы же не какие-то… Мы хотели по-хорошему. Ты же не обижайся.

— Не обижайся, Галь. Ну как нам было поступить? Всю жизнь друг от друга прятаться?

— Ты же сильная, Галь. Ты же у нас сильная. А я слабенькая, ты же знаешь, без него пропаду. Мама говорит…

— Что мама?

— Мама говорит, что ты справишься. Ты же всегда справляешься. А нас мучить зачем? Мы сами столько пережили, пока решились.

Вот так, между прочим. Маму сестра уже успела посвятить, получить разрешение и утешение. А мне от них досталось: «Ты справишься». Инструктаж прошёл, расклад утверждён, всем разданы роли. Что в этом больнее — мамино предательство или простое удобство? Наверное, удобство. Мама всегда выбирала того, за кем не придётся бегать с тазиком. За собой убирала сама; до просьб о помощи дело попросту не доходило.

В горле встал ком, тяжёлый, каменный — сглотнуть бы, да куда там. А думалось отчего-то про тесто. Рядом с заготовкой для медовика в холодильнике стояло тесто на хлеб, его требовалось обмять ещё вчера, до смены; теперь перекиснет, дрожжам всё равно, какие у тебя обстоятельства. Поднимется и упадёт. Как я сейчас.

— Кредит. Скажи про кредит, Стас. С любовью у вас всё понятно, а с платежом что?

Стас вздохнул с досадой — пришлось отвлечься от любви на какую-то неприятную формальность.

— Оформлен на тебя. Ну а как иначе — у меня же нулевая отчётность, банк не дал бы. Галь, это же не навсегда. Когда цех раскрутится, я всё закрою, я же не бросаю свои обязательства, я не такой человек.

— Ты не такой человек. Хорошо. Тогда назови дату, когда

внесёшь платёж. Мне банку твою порядочность передавать вместо денег?

Три миллиона. Три миллиона семнадцать тысяч — сумма помнилась наизусть: в четверг сама ездила в банк и подписывала, а Стас не смог, у него была «ключевая встреча». Подписывала и улыбалась клерку, потому что верила. Клерк, кстати, был вежливый: «Удачного вам дня, Галия Сергеевна». Люди вообще вежливые, пока ты подписываешь.

В прихожей было холодно. Пекарская форма после ночной смены пропахла мукой и чужим хлебом, ожоги от противня саднили под манжетой, глаза щипало от недосыпа. Тридцать лет, а стою у себя дома и жду, когда мне объяснят, как теперь жить. Два человека напротив приготовили этот разговор заранее. Репетировали. Наверное, Лера наливала ему кофе: «Скажи мягче, она же обидится». А он упражнялся перед зеркалом, как когда-то с речью для банка. Однажды застала его в коридоре — стоит, шевелит губами.

— Ты чего, Стас?

— Ничего, отчётность обдумываю.

Теперь эта отчётность висела на мне.

— Меня не обижают. Меня просто используют, Стас. А потом велят не мешать вашему счастью.

— Галь, ну не надо драматизировать… Мы взрослые люди, можем нормально договориться.

— Драматизирует он! У тебя интрижка с сестрой жены, ты повесил на жену три миллиона, а драматизирую, значит,

я? Ну правда, зачем мне расстраиваться.

— Мы хотели сказать вместе! Чтобы не через записку, не через маму! По-честному!

Лера покраснела и запахнула халат — с такой чистой совестью, что стало дурно.

По-честному. Смотрела на неё, пока сестра не уткнулась взглядом в линолеум. Первой отвела глаза, всё-таки первой. Маленькая такая победа, полсекунды, но от неё удалось оттолкнуться — первой из многих, которые ещё предстояли.

— Ладно. Раз по-честному. Забирайте пальто. Чемоданы — мои, заезжала за ними… Что несу? Со смены пришла, домой. К себе домой.

Голос звучал тихо, буднично, хотя внутри всё тряслось.

— Нет, постойте, чемоданы пусть тоже остаются, у меня вещей-то — сумка и сковорода. Кредит — понятен. Развод — давайте быстрее, не люблю долгих процессов, у меня завтра смена.

— Галь… Ты так просто? Даже поговорить не хочешь? Подожди, мы же ещё ничего не решили.

Стас растерялся. Готовился к сценам, к слезам, к скандалу с битьём посуды — к удобной реакции, после которой можно будет утешать Леру.

Открыла шкаф в прихожей, сняла с верхней полки пекарскую сумку с ручками, перетянутыми изолентой. Стас менял её года три назад и тогда же обещал: «Ну кто ходит с такой сумкой? Куплю тебе нормальную». Обещанной сумки так и

не появилось, разумеется. А старая служит, кстати, до сих пор, и ручки держат лучше, чем кое-кто держал слово.

Внизу шкафа, где хранилось самое дорогое, стояла медная форма. Бабушкина, отполированная до розово-золотого блеска; при разделе наследства мне досталась она, потому что дом отошёл старшему сыну бабушки. Позднее перешёл к маме, а в марте мама переоформила его на меня. А тогда внучке, которая умела печь, отдали форму.

Завернула форму в полотенце, положила в сумку. Мелко трясло, как на морозе; пришлось убрать полотенце из-под застёжки.

— Мне не просто, Стас. Очень непросто.

Застегнула сумку.

— Только со всем этим непрощением разберусь потом, в свободное от смен время. А сейчас бы поспать хоть несколько часов.

— Галь, подожди, ты же без денег совсем. Куда пойдёшь-то? Ты всегда… то есть хотел сказать…

Впервые голос у него дрогнул по-настоящему. Растерялся человек: жена вышла из привычного порядка, застегнула сумку и перестала отвечать за всё сразу.

— Ты хотел сказать, что не знаешь, как будешь без меня покупать продукты? Верно, Стас. Десять лет не знаешь. Думай теперь ты. Список на холодильнике, не потеряйте — он вам обоим пригодится.

И ушла. Через пустой подъезд, мимо площадки между

этажами, откуда ещё виднелось наше — уже их — освещённое окно. На улице шёл снег, сумка оттягивала плечо медной тяжестью; вдоль домов, в предутренних сумерках, всё ещё хотелось оглянуться. Горевать, обижаться предстояло позже. Пока оставалось одно удивление: жизнь, оказывается, умеет вот так — одним махом, без перехода, от медовика к подушке для слёз.

Домой мне было некуда. Села на лавку у остановки, достала телефон, зашла на почту и открыла непрочитанное с понедельника письмо. Приглашение на сезон. Марракеш. Прочла условия кондитерского контракта на открытие десертного сезона — четыре месяца, жильё, перелёт, зарплата, от которой дёрнулась бровь. Место, где никого из моих не было в радиусе трёх тысяч километров.

Нажала «Ответить» и написала: «Согласна. Когда вылет?»

Глава 2. Билет в один конец

Поднимаясь с лавки, задела сумкой сиденье; медная форма глухо звякнула. Бабушка таким звуком будила нас по воскресеньям — доставала посуду, собиралась печь. Иди, девочка. Перекисшее тесто уже не спасти — замешивай новое.

Мама выслушала меня по телефону за восемь минут.

— Ну что ты хочешь, Галочка. Любовь — она такая, не выбираешь же. Лерочке без него никак, она слабенькая, ты же знаешь. А ты справишься. Ты же у меня сильная.

С детства знакомый голос: «Ну что ты хочешь, Лерочке же больнее». Сестру полагалось пожалеть первой.

— Мам, на мне висит три миллиона. С этим-то как справляться, ты мне скажи?

— Так Стасик же закроет, он деловой человек. Он мне сам говорил.

— Он деловой человек на мои деньги, мам.

— Ну не начинали же мы с нуля. У всякого дела бывают трудные времена.

Мама вздохнула. Деньги у старшей дочери водились, ими полагалось делиться.

— Ну тебе же хватает, Галочка. Жалко стало? Ты нам всегда помогала, никто ведь не жаловался.

— Мам, это моё трудное время. У него — профицит.

— Галя, не порти сестре жизнь своей обидой. Ты приеха-

ла вчера к ней в гости со скандалом, она мне звонила, рыдала. Подумай головой: зачем ты вообще приехала? Нанесла визит, побушевала, забрала свою сковородку и ушла. Стасик сказал, вела себя очень демонстративно.

Мама говорила жёстко, устало: сколько ещё можно объяснять?

Сковородку. Ушла из дома с медной формой для пирога, а Стас пересказал так, что вышло оружие, которым размахивала истеричная жена. Прижала телефон к уху, переждала объявление. Спорить с мамой уже не хотелось; здесь, у стойки регистрации, оставалось достать паспорт и подать его сотруднице. С этим можно справиться.

— Мам, я лечу в Марокко. Работа. Четыре месяца.

— Марокко?! А Лера? Кто же Леру поддержит на этом… на свадьбе? Ты хоть понимаешь, как ей сейчас страшно?

— Стасик же деловой человек, мам. Пусть поддержит. У них любовь, у меня работа. Четыре месяца, помнишь?

— Ты зубы на меня не заговаривай! Отдыхать уедешь, а тут у них всё рухнет без тебя. Лера-то готовить не умеет, ты же знаешь, ей продукты закупи, ты же всегда…

Вот оно. Всю жизнь так: я — это закупленные продукты и замороженные полуфабрикаты. Отключила звонок, подняла голову к табло аэропорта. Напротив моего рейса горело зелёное: регистрация открыта.

Дальше было девять часов полёта с пересадкой: спала, прижав лоб к холодному иллюминатору, и видела один сон

— наша кухня, тесто перекисло, а встать, дотянуться до миски невозможно. Просыпалась, смотрела в окошко — облака до самого горизонта — и опять проваливалась в сон с мыслью: там, внизу, осталась вся моя жизнь, тридцать лет, и ничего из неё не годится взять с собой. Кроме работы, которую умею делать. Печь, к счастью, не разучилась.

Марракеш встретил меня запахами.

Попробуй такое объясни человеку, который вырос среди тополей и асфальта. Сначала — апельсиновые цветы, тяжёлая сладость, от которой с непривычки хотелось сглотнуть. Потом — корица, кумин, дым мангалов на площади, где к вечеру закипали торговые ряды. Розовые стены тянулись вдоль дороги; в закатном свете старый город напоминал остывающую печь. Стояла посреди этого, стискивая сумку с формой до онемения в кисти. Мужчина с тележкой предложил чемодан на колёсиках, но, заметив изоленту на моём багаже, потом моё лицо, отступил с уважением. Наверное, решил: эта свой багаж охраняет, не стоит приставать.

Водитель, присланный холдингом, довёз меня до отеля сети «Амир» — белого здания с внутренним двором, где в тени апельсиновых деревьев стояли столики и пахло мятой. Дальше — веранда холдинга, где назначили рабочую встречу: согласование десертного меню, дегустация, знакомство с заказчиком.

С заказчиком предстояло познакомиться лично. Управляющий Юсуф, сухой, быстрый человек в безупречном сером

костюме, при встрече первым делом заметил ожоги у меня на запястьях. Такая хозяйская оценка: сама так осматриваю духовку, прежде чем начать работу.

— Владелец хочет видеть вас сам. Он лично утверждал вашу кандидатуру. Из четырнадцати пекарей вашего рейтинга выбрал вас за… — Он заглянул в планшет. — За «пирог, который говорит».

— Это отзыв. Один такой был, лет десять назад. Один человек написал про мой медовик: «Это не десерт, это речь». Смешно, правда? Ешь торт, а он с тобой говорит.

— Смешно. А вы сохранили этот отзыв? Кто его написал, помните?

Юсуф даже не улыбнулся, только погасил экран планшета.

— Почему вы спрашиваете?

— У нас в холдинге любят долгие истории. Смотрите не испортите нам концовку.

Он открыл дверь на веранду, уступил дорогу.

— Какую ещё концовку? Мы же меню согласовывать приехали.

Юсуф посмотрел внимательно, отвечать не стал. Потом ещё много раз прокручивала его слова; дверь уже закрылась за спиной, а спросить толком не успела.

Веранда. Фонтан негромко плескался, от нагретого камня тянуло теплом. По дорожке мимо апельсиновых деревьев прошла к дальнему столу, без волнения: годами пекла на глазах у заказчиков, и смутить меня разговором о десертах бы-

ло трудно.

Заказчик стоял у перил спиной. Высокий, в тёмном, без всяких украшений, только запястье с тонким чёрным шнурком. Он повернулся, когда я подошла, — и пол веранды качнулся.

Дима.

Тонкий, угловатый парень из общаги, десять лет назад приходивший к нам на факультетский чай. Съедал всё, что напеку, и приговаривал:

— Галя, у тебя руки не пекаря, у тебя руки заклинательницы. Ну как после этого идти в столовую?

Жил на стипендию, пересылал деньги домой. А в последний вечер перед отъездом на родину — его отозвали, в семье что-то случилось — стоял у нашего общажного окна:

— Подожди меня? Просто… подожди. Год, ну полтора. Вернусь, правда.

А я через месяц вышла за Стаса. Стас был свой, тёплый, удобный, при деньгах — вернее, тогда казалось, при деньгах, — а Дима уезжал в неизвестность, оставив номер телефона, который скоро сменится, и обещание вернуться через год, ну полтора. Подожди его — на такое нужна смелость. А моей хватило бы только на общажную камеру хранения.

— Галия Сергеевна. Добро пожаловать.

Голос стал низким, чужим, с непривычными глубокими интонациями. Глаза остались прежними. Тёмно-серые — узнал меня, и от того, как долго смотрел, становилось невы-

носимо.

— Дима…

— Кассим. Кассим ибн Амир. Здесь меня так зовут.

Стояли друг напротив друга на веранде. Фонтан шумел, апельсиновые цветы падали в воду; оставалось считать про себя — раз, два, три — как учат, чтобы не разреветься.

— Вы изменились. Простите, растерялась. Совсем не ожидала вас здесь встретить.

— Вы — нет. Та же реакция. Два-три, вдох. Вы всегда так делали, когда не хотели плакать. На втором курсе, когда у вас украли продукты на всех. На третьем, когда вашу работу раскритиковал тот француз. Я всё помню, Галия.

Он рассматривал моё лицо с таким вниманием, с каким читают письмо после долгой разлуки.

По спине пошёл холод, до самого затылка. Десять лет прожила, почти не вспоминая, как краснела из-за того француза; теперь стыдно стало заново, до жара в щеках. Он всё это помнил. На другом конце света помнил меня — считающую до трёх, с растрёпанной косой, у противня с пирогами. Десять лет. А я вышла за надёжного.

— Дегустация. Хочу попробовать то, за чем посылал самолёт.

Он отступил на шаг, освобождая дорогу к кухне. Снова заказчик, владелец, шейх: можно говорить о деле, спасибо и на этом.

Развернула рабочую сумку, достала бабушкину медную

форму. Удивительно: сняла полотенце, поставила посуду на стол без дрожи. Перед человеком, который помнил всё, работать оказалось спокойнее, чем весь последний месяц дома.

Пекла прямо там, на профессиональной кухне при веранде, — медовик по старому рецепту, из общажной электродуховни-переростка. Пахло так, что мальчишка-официант дважды прошёл мимо, притворяясь, что переставляет салфетки. Пришлось предупредить заказчика:

— Коржи сейчас готовы будут, но пробовать рано. Крему надо дать впитаться. До вечера подождёте?

— Подожду. Тогда ведь не дождался.

К вечеру тонкие коржи пропитались; Кассим вернулся, сел перед тарелкой, отрезал кусочек и съел. Закрыл глаза — дольше, чем позволяет любой этикет. Так долго, что успели упасть три апельсиновых цветка в фонтан.

— Всё то же. Только теперь вы печёте это людям, которые этого не заслужили.

Он открыл глаза, отложил вилку, хотя на тарелке ещё оставался торт.

— Вы тоже не заслужили. А сами пробуете.

Уголок его рта дрогнул.

— Мне — тем более не полагалось бы. Но хотя бы помню, что ел. Поверьте, забыть пытался.

Он встал. На мгновение задержался рядом, заметив свежий ожог над манжетой; уже у выхода обернулся:

— Жить вы будете в риаде. Отдельное крыло. И, Галия, —

он остановился, — в вашем договоре есть пункт, который я добавил лично. Про порядок расчётов. Юсуф вам объяснит.

Глава 3. Он всё помнит

Юсуф принёс договор через десять минут. Объяснял, водя по строчкам карандашом; каждое слово до сих пор помню дословно:

— Оплата по факту каждого этапа, аванс уже перечислен. Но обратите внимание на последнюю строчку. В случае расторжения контракта заказчиком по любой причине заказчик выплачивает полную сумму за весь сезон. Именно полную, Галия Сергеевна.

— Это… щедро. Почему? Вы и работу мою толком не знаете.

Юсуф поднял голову от договора, убрал карандаш. Долго смотрел — наверняка знал о найме гораздо больше меня.

— Потому что владелец не любит, когда то, что он привёз в страну, уезжает из страны. Добро пожаловать в Марракеш, Галия Сергеевна.

Поздним вечером в отведённой комнате риада — розовые стены, узкие окна, запах апельсина с улицы — развернула медную форму, протёрла мягкой тряпкой и поставила на видное место. Улыбнулась своему отражению в её золотистом боку.

А потом улыбка сошла. Перед глазами опять встала строчка договора: он заплатит за четыре месяца, даже если передумает наутро. Отступать позволил себе — меня же заранее

избавил от необходимости уехать из-за денег. Человек, который всё это устроил, явно рассчитывал задержать меня надолго. И что будет, когда сезон закончится?

В риаде меня поселили в комнате с розовыми стенами и крошечным балконом, выходившим во двор, где росло апельсиновое дерево. Первые три дня Кассима приходилось искать по чужим ответам: он был «на совете», «на объекте», «на созвоне с северными отелями». Зато с Хаджар виделась постоянно.

Хаджар заведовала всей прислугой риада — невысокая женщина лет пятидесяти, с прямой спиной и привычкой оглядывать вошедшего с головы до ног. Меня она оглядела тоже, задержавшись на рабочем фартуке.

— Пекарь. — Вместо приветствия она взяла меня за запястье, повернула кисть к свету, разглядывая шрамы и мозоли у указательных пальцев. — Хорошо. Тут многие не понимают, что тесто — это труд, а не волшебство. Ты понимаешь. Это я тебе говорю сразу: поблажек у меня не выпросишь, зато уважение будет.

— А если попрошу муки получше? Тут в кладовой лежит помол для лепёшек, а бисквит с ним осядет. Вчера проверила, растёрла щепотку.

Она секунды три изучала моё лицо. Под таким осмотром хотелось признаться даже в съеденной дома халве.

— Ты уже в кладовой была. Без разрешения.

— Дверь была открыта, а я пекарь. Мне кладовая — как

вам ключи от всех комнат.

— Хм. — Хаджар отпустила моё запястье и убрала связку ключей в карман. — Муку поменяют. Ещё что-нибудь заметила, пекарь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.